

Ирма Аргуэльо (Аргентина), председатель Фонда нераспространения во имя глобальной безопасности — по электронной почте из Буэнос-Айреса: Похоже, что ситуация неопределенности, сохранявшаяся в стране в связи с продолжительным лечением президента Уго Чавеса на Кубе, разрешилась. Правда, неожиданная болезнь бывшего венесуэльского лидера, лечение и его смерть оставляют много вопросов. Вместе с тем институциональный кризис, связанный с ответственностью власти, вряд ли обойдет Венесуэлу стороной.

14 апреля в стране состоялись внеочередные выборы президента. Победу одержал приемник Чавеса Николас **Мадуро**. Оппозиция, неудовлетворенная результатами выборов, провела в стране митинги с требованием пересчитать голоса избирателей.

Галия Ибрагимова

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ПСИХОПАТОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Книга Зигмунда Фрейда *Психопатология повседневной жизни* вошла в список научной классики XX века. Обзоры мировой политики, даже самые удачные, в эту категорию вряд ли попадут. Однако сам термин *психопатология* применительно к нынешним международным отношениям вполне уместен. Особое значение имеют два ее проявления.

Первое — преувеличенное восприятие собственных возможностей, в том числе убежденность лидеров в величии возглавляемых ими государств. Это часто является компенсацией персональной ущербности и, кроме того, блокирует поиск новых решений. Последнее бессмысленно, если страна находится на подъеме, а ее соперники в упадке.

Второе — стремление любыми средствами избежать осложнений. И в том, и в другом случае субъект не способен учесть прошлый опыт, отказывается принимать окружающий мир таким, какой он есть. Включается механизм психологической защиты: действительность искажается, чтобы скрыть от самого себя свои страхи, слабости, неспособность отказаться от устаревших, но привычных моделей поведения.

В конечном итоге реальность заменяется продуктами собственного воображения. Для индивида это кончается длительным и не всегда успешным лечением у психиатров, на международной арене — провалом стратегического курса и, случается, крахом государства, как это произошло с СССР. Но вернемся к актуальным мировым делам.

США: ОБНОВЛЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА

Наиболее значимым событием последних месяцев стало избрание Барака Обамы на второй срок в качестве американского президента, что повлекло обновление внешнеполитического курса США. Это неудивительно: практически на всем протяжении 2009–2012 гг. американская внешняя политика концентрировалась главным образом на проблемах, унаследованных от предыдущей администрации. По мере их решения происходит естественное сосредоточение на вызовах сегодняшнего дня.

Внешнеполитические итоги первого срока администрации Барака Обамы неоднозначны. Несомненным достижением стало ослабление *Аль-Каиды*, в том числе

Ы
В
Р
О
С
С
Б
Е
С
О
Ц
П
Р
А
П
Х
Ы
В
О
Р
О
М

ликвидация Усамы бен Ладена. Вашингтон вывел войска из Ирака, готовится к их выводу из Афганистана — это, бесспорно, успех нынешней администрации, хотя пока не понятно, сколько американских солдат останется в Афганистане после 2014 г. и чем они будут там заниматься. Прямое участие США в делах этих двух стран оборачивалось огромными расходами и ограничивало их свободу действий на мировой арене.

Менее успешной была попытка наладить отношения с Россией. Отказ от создания третьего позиционного района ПРО в Европе не сопровождался какими-либо уступками Москвы. Новый Договор по СНВ, с военной точки зрения, практически бессмысленен. Неясно, сможет ли Россия к концу десятилетия нарастить стратегические вооружения до разрешенных уровней.

В свою очередь, США сокращают их, следуя собственным планам. Список целей, для поражения которых предназначены американские стратегические системы, в том числе на территории России, сокращается. Часть задач, которые ранее предполагалось решать ядерным оружием, могут быть решены обычными вооружениями. В итоге нынешний ядерный арсенал США становится избыточным и может быть сокращен, независимо от того, есть этот Договор или его нет. В то же время любые новые соглашения о сокращении ядерного оружия могли бы быть использованы как раз для доказательства успешности внешней политики.

Наконец, неудачной оказалась американская линия на Ближнем Востоке. Впрочем, ни одно западное государство не смогло сформулировать более или менее вразумительный ответ на происходящие там события.

Как бы то ни было, в начале 2013 г. стало ясно, что США сосредотачиваются на внутренних проблемах. Будут снижены расходы на оборонные нужды. Предполагается исключить военное вмешательство в международные конфликты или конфликты внутри других государств. Одна из причин этого — острые противоречия между администрацией Обамы и республиканским большинством в палате представителей по проблемам бюджета, которые привели к его секвестру в начале марта 2013 г.

В Вашингтоне убеждены, что центр тяжести мировой экономики и политики переместился в Азиатско-Тихоокеанский регион, где назревает противостояние между США и Китаем, стремящимся к гегемонии в этой зоне. Поэтому Соединенные Штаты фокусируют политические и военные ресурсы в Азии, тогда как Европа и Ближний Восток — хотя официально это отрицается — постепенно будут отходить на второй план американской политики. Этому способствуют также освоение в США сланцевых газа и нефти, снижающее зависимость от ближневосточных углеводородов и очередные ядерные испытания в Северной Корее, придающие дополнительную остроту военно-политической ситуации в Восточной Азии.

Пал Дунай (Венгрия), руководитель программы по международной безопасности Женевского центра политики безопасности — по электронной почте из Будапешта: Уже сегодня очевидно, что переориентация интересов Америки в сторону АТР не пройдет бесследно для альянса. Очевидно, что после вывода войск из Афганистана США утратят интерес к некоторым не столь значимым странам членам альянса и сократят военные расходы рамках НАТО на поддержание безопасности в этих странах. Это весьма болезненно воспринимается во многих маленьких европейских странах, привыкших в вопросах своей оборонной политики полагаться на альянс и на американцев. Отсюда возникает другой вопрос, насколько охотно в столь ограниченных финансовых условиях будет откликаться НАТО для участия в военных операциях во имя глобальной безопасности? Вопрос непростой и ждать быстрых ответов на него не приходится.

Уделяя особое внимание данному региону, в Вашингтоне хотели бы несколько дистанцироваться от Ближнего Востока. Последнее, однако, возможно, если будет урегулирован кризис в Сирии и начнутся конструктивные поиски решения иранской ядерной проблемы. Для этого, в частности, желательно наладить сотрудничество Россией, поскольку, как, видимо, считают в американской столице, Москва имеет рычаги влияния на Дамаск и Тегеран.

Некоторые направления обновления внешнеполитического курса США выглядят логичными, другие вызывают сомнения. Вопрос, однако, в том, насколько их можно претворить в жизнь. Во многом это зависит от того, удастся или нет в обозримое время стабилизировать военно-политическую ситуацию на Ближнем Востоке.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ЗОНА ТУРБУЛЕНТНОСТИ

События последних месяцев еще раз подтвердили, что Большой Ближний Восток — протянувшийся от Мавритании до Афганистана пояс исламских государств — превратился в зону политической и военной турбулентности. Перспектив ее преодоления пока не видно. Наоборот, вооруженные столкновения в Мали, сняты остроту которых удалось только в результате французской интервенции; непрекращающаяся гражданская война в Сирии; вспышка политического противоборства в Египте, приведшая к массовым беспорядкам; осложнение ситуации в Тунисе накануне парламентских выборов в марте 2013 г.; продвижение Ирана к обретению ядерного оружия и, наконец, регулярные провокации и террористические акты палестинских группировок против Израиля свидетельствуют, что тенденция к обострению ситуации в этом регионе становится все более явственной. Это вновь ставит вопрос — можно ли найти средства стабилизации ситуации в ближневосточной зоне в целом или, по крайней мере, в отдельных ее частях?

Пока такие средства не найдены и неизвестно будут ли найдены вообще. Умеренные светские режимы, подобные тунисскому или египетскому, считавшиеся способными обеспечить внутреннюю и международную стабильность, изживают себя. Приходящая на смену авторитарным правителям умопомрачительная смесь исламистов, левых, националистов и либералов прозападного толка самой своей природой обречена на острую борьбу за власть. Далеко не все благополучно в суннитских монархиях Персидского залива. Сначала об этом свидетельствовали столкновения между правительственными силами и шиитскими демонстрантами в Бахрейне. В последнее время вызывает озабоченность ситуация в Саудовской Аравии, где назревает кризис престолонаследия.

Особое внимание привлекает гражданская война в Сирии. Гуманитарная катастрофа, вызванная этой войной, болезненно воспринимается мировым общественным мнением, особенно в Европе и США. По оценкам Международного комитета Красного Креста, с марта 2011 г. там погибли около 70 тысяч человек; 2 миллиона сирийцев покинули места проживания; примерно 750 тысяч из них бежали в Ливан, Иорданию, Турцию и другие страны. В ООН считают, что к середине этого года число таких беженцев превысит миллион человек. Но это лишь одна часть сложного и во многом хаотического переплетения происходящих в Сирии событий и процессов.

Оппозиция остается раздробленной. Сирийский национальный совет, претендовавший на роль ее главного координационного центра, оказался не в состоянии выполнить взятые на себя функции. В ноябре 2012 г. вместо него была создана Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил Сирии, лидером которой поначалу стал бывший имам дамасской мечети Омейядов Ахмед Муаз аль-Хатыб. Через полгода он подал в отставку, аргументировав это неспособностью международного сообщества добиться падения режима Башара Асада. Его временным преемником в апреле 2013 г. избран Джордж Сабра, в прошлом один

из руководителей сирийских коммунистов, ныне близкий к социал-демократом и долгие годы находящийся в жесткой оппозиции правящей в Сирии группировке. Вопрос о том, сможет ли эта коалиция стать эффективным органом политического руководства оппозиционными силами или, по крайней мере, их значительной частью, остается открытым.

Халил Каравели (Турция), руководитель проекта по Турции института по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма: Наиболее негативным явлением последних месяцев в сирийском конфликте стало усиление джихадистских элементов, которые с каждым днем становятся все напористей. Особое внимание следует обратить на участвовавшие с ноября прошлого года атаки салафитов-джихадистов из *Фронта ан-Нусра* против курдов из северо-восточной Сирии.

В самой Сирии усиливается влияние экстремистских исламистских сил, выступающих как против режима Башара Асада, так и против «умеренных» оппозиционных организаций, ориентирующихся на упомянутую Национальную коалицию. В декабре 2012 г. создан Сирийский исламский фронт, объединивший 11 экстремистских группировок. Пока нет ясности, является ли он противовесом *Фронту ан-Нусра* (известному также как *Джабхат ан-Нусра*), связанному с *Аль-Каидой*, либо представляет собой попытку объединить исламистские силы в рамках подконтрольной последнему новой организации.

В начале 2013 г. исламисты одержали несколько важных побед. В частности, были захвачены две крупные военные базы — одна в провинции Идлиб, другая — в окрестностях Алеппо, где находились значительные склады тяжелого вооружения. В феврале — начале марта 2013 г. исламисты разгромили 113-ю бригаду правительственных войск и захватили столицу граничащей с Ираком провинции Дейр-аз-Зур.

В целом же в Сирии сложился классический военно-политический тупик. Несмотря на серьезные поражения, правительственные войска удерживают основные городские центры и ключевые коммуникации, но не в состоянии разгромить повстанцев. Последние, в свою очередь, также не могут одержать военную победу: им не хватает оружия, особенно переносных противотанковых и зенитно-ракетных комплексов, координация действий различных отрядов слаба или отсутствует полностью.

Перспективы политического урегулирования гражданской войны не просматриваются. В оппозиции нет единого мнения относительно переговоров с властями. Одна ее часть считает такие переговоры возможными при условии ухода Асада и его клики. Предлагается, чтобы переходное правительство возглавил политик, приемлемый как для оппозиции, так и для той части бюрократии и армейского офицерства, которые не скомпрометировали себя участием в массовых репрессиях. Другая делает ставку на военную победу.

Башар Асад и его сторонники, в свою очередь, готовы обсуждать вопрос о прекращении огня при условии, что реальная власть останется в их руках. Эта группа, опираясь на поддержку части офицерского корпуса армии и спецслужб и алавитского меньшинства, отдает себе отчет в том, что падение нынешнего режима может обернуться для нее тяжелыми последствиями. В материалах экстремистских исламских информационных центров среди подлежащих уничтожению противников в Сирии называются не только сторонники правящего режима (их именуют *асадитами*), но и все алавиты как таковые.

В сложившейся ситуации США, Великобритания и Франция, скорее всего, пойдут на предоставление Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил Сирии или, в случае ее распада, другому объединению *умеренной* в религиозном отношении оппозиции серьезной помощи вооружением и финансами, с тем чтобы нейтрализовать влияние радикальных исламистов и усилить военное давление на режим Башара Асада. По сути дела, это единственная возможность предотвратить появление на сирийской территории крупных анклавов, прочно контролируемых экстремистскими силами, а в относительно долгосрочной перспективе не допустить образования там государства или квазигосударственного формирования, напоминающего Афганистан во время господства талибов.

Естественно, эта линия вызывает раздражение в Москве. Российская дипломатия упорно повторяет два тезиса: во-первых, необходимо политическое урегулирование на основе переговоров; во-вторых, поставки оружия оппозиции являются нарушением международного права и недопустимы, поскольку это оружие попадет в руки экстремистских организаций. То, что переговоры лучше, чем боевые действия, сомнений не вызывает. Однако в данном случае призывы к переговорам, как минимум, бессмысленны, так как основы для политического урегулирования конфликта — а ей может стать только уход Башара Асада — нет.

Далее, официально признано, что Россия «продолжает выполнять контракты военных поставок в Сирию», о чем, например, 13 февраля 2013 г. заявил глава Рособоронэкспорта А.П. Исайкин¹. Как это соотносится с международным правом, неясно. Говорится, правда, что поставляются только оборонительные вооружения. Однако грань между наступательным и оборонительным вооружением весьма условна. Танки, например, используются и в наступлении, и в обороне. А запасные части для них, в поставках которых в Сирию были уличены российские ведомства, сами по себе, вообще, оружием не являются, однако без них сирийские танки выходят из строя.

Но главное в другом. Российские дипломаты делают вид, что не замечают ключевого элемента западных проектов — оказание помощи *умеренным* оппозиционным организациям ставит своей целью недопущение усиления экстремистов. И чем дольше затягивается конфликт, и чем слабее входящая в Национальную коалицию оппозиционных и революционных сил *Свободная сирийская армия*, тем больше вероятность того, что к власти в Сирии или на части ее территории придут исламские фанатики.

Гражданская война в Сирии отвлекает внимание от иранской ядерной программы — ключевого источника нестабильности на Ближнем Востоке. Введенные США и ЕС санкции болезненно сказались на иранской экономике: доходы от экспорта нефти сократились на 40%, что привело к 36% инфляции; на 50% выросла безработица; бюджетный дефицит достиг 44 млрд долларов (около 60% стоимости экспорта). В стране впервые за много лет произошло падение ВВП². В феврале 2013 г. президент Ирана Махмуд Ахмадинежад признал тяжелое экономическое положение страны и изложил намерение «компенсировать падение доходов от продажи нефти путем сокращения бюджетных расходов и повышения налогов»³.

Тяжелое экономическое положение не привело к свертыванию ядерной программы. Наоборот, было объявлено о мерах по ускорению производства обогащенного урана и введению в строй реактора в Араке, предназначенного для выработки плутония. В частности, на объекте по обогащению урана в Фордо были установлены 180 центрифуг следующего поколения типа *IR-2m*. По мнению израильского премьер-министра Биньямина Нетаньяху, новые центрифуги позволят сократить сроки создания Тегераном ядерного оружия на одну треть. Руководитель МАГАТЭ Юкия Аmano в очередной раз признал военный характер иранской ядерной программы. «Агентство, — заявил он в феврале 2013 г., — не может заключить, что все ядерные материалы в Иране задействованы в мирных целях»⁴.

Вместе с тем под давлением санкций Тегеран был вынужден начать новый тур дипломатического маневрирования, чтобы выиграть время, попытаться смягчить имеющиеся санкции или, по крайней мере, не допустить введения новых. В итоге в конце февраля 2013 г. в Алма-Ате состоялись переговоры шести государств с Ираном.

Накануне этой встречи представители Тегерана туманно намекали на возможность достижения неких компромиссов, выдвигали внешне привлекательные, но заведомо не приемлемые идеи. Говорилось, например, о возможности прекращения обогащения урана до 20% в случае полного отказа от санкций, в том числе наложенных Советом безопасности ООН. Со стороны *шестерки*, если верить прессе, было выдвинуто предложение о некотором смягчении санкций в обмен на полное свертывание программы обогащения урана.

Как и следовало ожидать, встреча в Алма-Ате и последующие переговоры завершились безрезультатно. В апреле 2013 г. Тегеран в очередной раз объявил, что не собирается приостанавливать обогащение урана до 20%, не будет отправлять уран за пределы Ирана и не согласится на преобразование 20%-ного урана в оксид урана, пригодный только для медицинских целей. Более того, появились пока еще не вполне определенные заявления иранских официальных лиц о намерениях довести обогащение урана до 56%.

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского Центра Залива — по электронной почте из Дубая: На переговорах в Алма-Ате Тегеран вновь продемонстрировал свое нежелание идти на какие-либо уступки. Не уверен, что компромисс по иранской ядерной программе будет найден в 2013 г. И дело даже не в неуступчивости США. Смысл существования иранского руководства во многом заключается в постоянном противостоянии угрозам со стороны США. Отсюда, любые схемы преодоления кризиса, предложенные американцами, будут встречать неуступчивость со стороны Ирана.

Позицию западных участников *шестерки* можно понять — они всеми возможными способами стремятся предотвратить или, по крайней мере, оттянуть военное решение иранской проблемы. Оно действительно потребует серьезных затрат, скорее всего приведет к скачку цен на нефть, а политические последствия разгрома нынешнего иранского режима предсказать трудно. Понятно также, что если удастся договориться с Тегераном о приемлемом для Запада компромиссе по ядерным вопросам, то появится перспектива сближения Ирана с европейскими государствами и США, а это может привести к крупным переменам в геостратегической структуре Ближнего Востока.

Сержио Дуарте (Бразилия), посол, высокий представитель ООН по вопросам разоружения (2007–2012 гг.) — по электронной почте из Бразилии: Перспективы создания Зоны, свободной от ядерного оружия, на Ближнем Востоке становятся все туманней. Прогресса вокруг иранской ядерной программы в ближайшее время ожидать не стоит. Предложение президента США Барака Обамы провести прямые переговоры с Ираном были неоднозначно восприняты как в Тегеране, так и в американских консервативных кругах.

по сообщениям западных агентств, фактическим советником короля по проблемам национальной безопасности. Наконец, 1 февраля 2013 г. было объявлено о том, что вторым заместителем премьер-министра назначен упомянутый принц Мукрин. Это означает, что он является вторым в очереди наследником престола после своего брата Салмана, который, впрочем, по слухам, страдает старческим слабоумием.

Скорее всего, эти перестановки являются следствием начавшейся в Саудовской Аравии активной борьбы за престол. В то же время король и его окружение пытаются выстроить более или менее стабильный баланс сил и влияния и избежать кризиса, связанного с выбором нового правителя королевства. Однако выдвижение принца Мукрина в первый ряд претендентов на престол не гарантирует, что он его получит. В 2007 г. король Абдалла ввел правило, по которому нового короля избирает созданный им Совет преданности [Allegiance council], состоящий из 35 старших членов королевской семьи⁶.

Уверенности в том, что принц Мукрин получит их одобрение, нет. В частности, его мать происходит родом из Йемена, что в глазах саудовских принцев считается большим недостатком. Могут появиться и, скорее всего, появятся другие претенденты на саудовский престол. Дело в том, что создавая в 1920-е гг. королевство Абдель-Азиз ибн Сауд широко практиковал династические браки, беря в жены дочерей правителей различных областей и глав племенных родов. В итоге королевская семья разделена на кланы, восходящие по материнским линиям к разным племенам и регионам.

Намечающийся кризис престолонаследия может вылиться в ожесточенную борьбу этих группировок за власть на фоне обостряющихся социально-экономических и политических проблем: растущей безработицы, в том числе среди получившей образование молодежи; назревающего конфликта между традиционалистами и сторонниками ограниченной модернизации; недовольства шиитского населения в восточной части страны и сокращения по сравнению с предыдущими десятилетиями финансовых ресурсов в результате растущего внутреннего энергопотребления, уменьшающего объем нефтяного экспорта.

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НОВАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА?

О кризисе *перезагрузки* скептики заговорили вскоре после подписания нынешнего Договора по СНВ. Уже тогда было понятно, что позитивная повестка дня российско-американских отношений исчерпана, за исключением вопросов, относящихся к Афганистану. Однако при всей своей важности афганская проблематика не могла стать основой для полноценного и многомерного российско-американского взаимодействия. Около двух лет отношения России и США оставались в замороженном состоянии, но во второй половине 2012 г. заметно осложнились.

Началом стал отказ президента В. В. Путина участвовать в саммите *Группы восьми*, а завершением — *война законов*, прекращение работы одной из групп президентской комиссии, разрыв соглашения о сотрудничестве в борьбе с преступностью и наркотрафиком, а также антиамериканская *истерика* в российских СМИ и политических кругах.

В то же время, выступая в начале 2013 г. на Мюнхенской конференции, вице-президент США Джозеф Байден заявил, что «мы по-прежнему видим возможность партнерства между Россией и Соединенными Штатами, которое отвечает нашим общим интересам безопасности и интересам безопасности международного сообщества». Такое партнерство, по его мнению, может относиться к обеспечению безопасности ядерных арсеналов и их сокращению, стимулированию торговли и инвестиций, а также «обеспечению свободы мореплавания в Арктике при сохранении доступа к природным ресурсам»⁷. При этом, правда, он подчеркнул,

что США не признают Абхазию и Южную Осетию в качестве независимых государств и не согласятся с формированием сферы российского влияния в бывшем СССР, а также перечислил основные узлы противоречий между Россией и США — Сирия, противоракетная оборона, расширение НАТО, проблемы демократии и прав человека.

За выступлением Дж. Байдена последовал ряд встреч между высокопоставленными представителями России и США. Наиболее важная из них — визит в Москву в середине апреля 2013 г. помощника президента США по национальной безопасности Тома Донилона, который привез с собой личное послание Барака Обамы президенту В. В. Путину. Что именно содержалось в этом письме и как на него готовились ответить в Москве, осталось, естественно, неизвестным. Комментарии официальных лиц с той и другой стороны были не слишком вразумительны.

В Москве отметили, что «считают позитивными сигналы, поступающие от администрации президента США» и что все ограничения на развитие отношений между Россией и США «делаются только с той стороны»⁸. В Белом доме сообщили, что «переговоры были всеобъемлющими и конструктивными» и что наряду с противоречиями в отношениях США и России есть также области, в которых обе страны могут сотрудничать⁹. В переводе с дипломатического языка это означает, что очевидного провала миссии Тома Донилона не произошло, а Москва ждет от США неких новых шагов навстречу.

Тем не менее некоторые моменты постепенно проясняются. Судя по всему, в Вашингтоне решили в очередной раз налаживать партнерство с Россией с сокращения ядерных вооружений. Средства массовой информации сообщили, что Вашингтон предложил, или был готов предложить, России договориться о новых крупных, примерно на 30%, сокращениях стратегических ядерных вооружений, установив на них потолки в 1000–1100 боеголовок (по правилам зачета ДСНВ).

Такое предложение, если оно действительно было сделано, в полной мере отвечает интересам России. Ее стратегический арсенал быстро сокращается. На 1 сентября 2012 г. он состоял из 491 развернутого стратегического носителя, на которых находилось 1499 ядерных боеголовок. По этим показателям Россия уже опустилась ниже разрешенных ДСНВ потолков и заметно отстала от США. Последние имели на упомянутую дату 806 развернутых носителей и 1722 боеголовки¹⁰.

До конца десятилетия в России предстоит снять с вооружения около 200 стоявших в 2012 г. на боевом дежурстве МБР *Тополь*, *СС-19* и *СС-18*, на которых в общей сложности находилось примерно 1170 боеголовок. Гарантийные сроки этих ракет несколько раз продлевались, и сохранять их в РВСН после 2020 г. невозможно. Таким образом, из имевшихся в 2012 г. МБР к 2019–2020 гг. останутся 70 ракет *Тополь-М* шахтного и мобильного базирования, несущих одну боеголовку, и шесть ракет *Ярс*, оснащенных тремя боевыми блоками. Общее количество боеголовок на этих носителях — 88 единиц. Списанию подлежат также три атомных подводных ракетносца *667БДР Кальмар*, на которых находится 144 боевых блока. В составе российского ВМФ, скорее всего, останутся шесть ракетносцев *667БДРМ Дельфин*, оснащенных 384 боеголовками. Кроме того, к указанному сроку у России сохранятся также 60–65 стратегических бомбардировщиков *Ту-160* и *Ту-95* последних модификаций¹¹.

Иными словами, из имевшихся в 2012 г. примерно 1500 развернутых боевых блоков к 2020 г. сохранится 430–435 единиц. Следовательно, чтобы довести российский стратегический арсенал до разрешенного ДСНВ потолка необходимо произвести и развернуть носители, на которых будет находиться несколько более 1100 боезарядов. Для этого Россия прилагает огромные усилия и тратит колоссальные средства. Развертываются МБР *Ярс* с тремя боеголовками и атомные подводные раке-

тоносцы проекта *995 Борей*, оснащенные новой БРПЛ *Булава*. Принято решение о разработке и производстве новой тяжелой межконтинентальной баллистической ракеты. Однако уверенности в том, что к 2017–2020 гг. Москве удастся довести стратегический потенциал до уровня, разрешенного ДСНВ, нет.

Так, действующей Государственной программой вооружений предполагается к 2020 г. построить и ввести в боевой состав российского ВМФ восемь стратегических подводных лодок *Борей*. Возможность выполнения этой задачи вызывает серьезные сомнения, поскольку сроки строительства кораблей такого класса составляют несколько лет.

Между началом строительства первого *Борея* и его принятием на вооружение прошло 16 лет. У двух последующих ракетоносцев — *Александра Невского* и *Владимира Мономаха* — между моментом закладки и спуском на воду прошло 6 лет. Ни один из них не принят пока на вооружение.

Обычно длительные сроки постройки этих подводных лодок объясняют недостаточным финансированием и утверждают, что резкое увеличение средств, выделенных на перевооружение флота, позволит выполнить намеченные планы. Нехватка средств действительно была одним из факторов исключительно медленных темпов строительства *Бореев*. Однако длительность строительства этих подводных лодок зависит не только от финансирования, но и от способности промышленности произвести в необходимом количестве комплектующие, из которых они собираются, и оборудование, которым они оснащаются. Это является главным обстоятельством, замедляющим их строительство.

Таблица 1. Состояние строительства подводных лодок проекта 995 Борей (на январь 2013 г.)¹²

Название	Заложен	Спуск на воду	Состояние
<i>Юрий Долгорукий</i>	11/1996	02/2006	В январе 2013 г. вошел в боевой состав
<i>Александр Невский</i>	03/2004	12/2010	Проходит ходовые испытания
<i>Владимир Мономах</i>	03/2006	12/2012	Проходит швартовые испытания
<i>Князь Владимир</i>	07/2012		Строится
<i>Александр Суворов</i>	07/2013 ^{а)}		
<i>Михаил Кутузов</i>	11/2013 ^{а)}		

а) планируется.

Но даже если к 2020 г. удастся ввести в строй все восемь новых подводных ракетоносцев, Россия вряд ли сможет довести количество боевых блоков на стратегических носителях до 1550 единиц. Это во многом связано с небольшим забрасываемым весом БРПЛ *Булава*, равным 1,15 т. Поскольку на боеголовки обычно приходится не более половины забрасываемого веса, то разместить на этих ракетах шесть боеголовок, о чем говорят российские военные, вряд ли возможно. Для этого вес каждой из должен быть менее 100 кг. Открытых данных о весе российских ядерных боеприпасов, разумеется, нет. Но известно, что наиболее современные американские ядерные боеголовки *W-87* и *W-88*, которыми оснащаются МБР *Минитмен-III* и БРПЛ *Трайдент-II*, весят от 200 до 360 кг¹³. Предполагать, что российские боеприпасы аналогичного назначения весят в два-три раза меньше, было бы нереалистично. Важно также, что все баллистические ракеты, имеющие забрасываемый вес 1,15–1,2 т — *Тополь-М*, *Ярс*, *Минитмен-III*, — оснащены максимум тремя боевыми блоками.

Таким образом, если к концу десятилетия будут построены и введены в строй 8 ракетоносцев *Борей*, в боевом составе сохранятся 6 подводных ракетоносцев *667БДРМ Дельфин*, около 60 дальних бомбардировщиков и 70 ракет *Тополь-М*, то, для того чтобы выйти на уровень 1550 стратегических боеголовок, России необходимо построить и развернуть на боевых позициях 187–188 новых МБР *Ярс* и 136 БРПЛ *Булава*. Иными словами, до 2020 г. необходимо произвести на Воткинском заводе и развернуть в боевом составе 324 новые ракеты. Это значит, что среднегодовое производство ракет на этом предприятии должно вырасти в 4–5 раз по сравнению с предыдущим периодом. Как и в случае со строительством новых подводных ракетоносцев, подобный рост производства вряд ли возможен.

В свою очередь, согласованное с США сокращение потолков, предусмотренных ДСНВ, позволило бы поддержать стратегический российско-американский паритет на более низком уровне. Были бы сэкономлены значительные средства. И самое главное — выйти на уровень 1000–1100 стратегических боеголовок намного реальнее, чем на уровень 1550. Для этого достаточно построить не 8, а 4 РПКСН *Борей* и около 100 новых МБР *Ярс* и 72 БРПЛ *Булава*.

Реакция Москвы на предложения США о снижении потолков на стратегические вооружения была предсказуемой. В российских Генеральном штабе и МИДе заявили, что без договоренностей по ПРО ни о каких сокращениях стратегических вооружений не может быть и речи. Более того, по мнению представителя МИДа, прежде чем говорить о дальнейшем сокращении арсеналов, необходимо выполнить требования договора СНВ. Логика поистине изумительная: сначала нарастить российский стратегический арсенал до разрешенных ДСНВ потолков, а затем поговорить о его сокращении. Кроме того, Россия хотела бы включить в будущие соглашения стратегические вооружения в неядерном оснащении и снизить дисбаланс по обычным вооружениям¹⁴.

Иными словами, российские дипломаты и военные высказались в своем традиционном тоне: если США хотят обсуждать дальнейшие сокращения стратегических вооружений, они должны, как минимум, принять требования по ПРО и по другим острым военно-политическим проблемам.

На этом фоне интерес привлекла публикация газеты *Коммерсант*. Со ссылками на дипломатические источники в Москве и Вашингтоне обычно хорошо осведомленное издание сообщило, что Россия и США договорились решить проблему ПРО, заключив соглашение, попадающее в США в категорию президентских исполнительных соглашений¹⁵. Предполагалось, в частности, что оно будет содержать обязательства о неразвертывании систем ПРО морского базирования в ряде районов северных морей, меры укрепления доверия и так далее¹⁶. Как правило *Коммерсант* не публикует столь деликатную информацию, не проверив ее достоверность. Однако министр иностранных дел России С. В. Лавров заявил: «Каких-либо оснований для подобного рода репортажей нет»¹⁷. Судя по всему, упомянутый *Коммерсантом* вариант действительно обсуждался, но в последнюю минуту Москва его отклонила, надеясь добиться от Вашингтона более значимых уступок.

И действительно, в середине марта 2013 г. новый министр обороны США Чак Хейгел сделал важное заявление: США разместят на Аляске 14 дополнительных тяжелых ракет-перехватчиков *GBI*, доведя их число до 44. Одновременно, он объявил о реструктуризации программы создания и развертывания ракет-перехватчиков *SM-3 Block IIB*. По словам Чака Хейгела, «развертывание этой программы будет отложено по крайней мере до 2022 г. в результате сокращения военного бюджета»¹⁸.

Иными словами, речь идет не об отказе от четвертого этапа развертывания системы ПРО в Европе, но об откладывании его начала. Можно напомнить, что к концу третьего этапа, к 2018 г., планируется иметь в Европе и окружающих ее морях 32 корабля,

оснащенных системой *Иджис* и ракетами-перехватчиками *SM-3 Block IIA*, а также две наземные базы — в Польше и Румынии, на каждой из которых должны находиться радар *SPY-1* и 24 ракеты *SM-3 Block IIA*. А в ходе четвертого этапа планировалось заменить перехватчики *SM-3 Block IIA* на усовершенствованную версию *SM-3 Block IIB*¹⁹. Предполагается, что последние будут отличаться от своих предшественников — *SM-3 Block IIA* — большей скоростью и улучшенной способностью поражать атакующие боеголовки в условиях помех²⁰.

Хотя принципиальных изменений в программе развертывания ПРО в Европе не произошло, решение об откладывании четвертого этапа — серьезный шаг навстречу России. Он свидетельствует о готовности США к поискам компромиссов по проблеме ПРО, поскольку именно противоракеты *SM-3 Block IIB* считаются в Москве, хотя основной для этого нет, способными сбивать российские стратегические ракеты. Но российская реакция на заявление Чака Хейгела была, увы, предсказуемой. Заместитель министра иностранных дел С.А. Рябков *ничтоже сумняшеся* сообщил, что «решение США не только не снимает прежних озабоченностей РФ, но и дает повод для новых»²¹. Какие именно *новые озабоченности* появились в Москве, высокопоставленный дипломат не сообщил. Видимо, ни в МИДе, ни в Генеральном штабе пока не хватило фантазии, чтобы их изобрести.

Логика российской позиции понятна. Пока США отказываются от требуемых Россией юридически обязывающих ограничений на тактико-технические параметры создаваемых противоракетных систем и районы их развертывания, Москва использует это для обоснования собственных программ наращивания стратегических вооружений, а также для дискредитации Америки в глазах тех кругов американской и европейской элиты, которые сомневаются в целесообразности создания ПРО и считают ее эффективность недостаточно высокой. Российская дипломатия будет при этом интерпретировать жесткую позицию Вашингтона относительно ПРО как свидетельство того, что именно США блокируют ограничение и сокращение ядерного оружия.

Логика американской позиции вызывает вопросы. Предположим, что США смогли вовлечь Россию в переговоры относительно новых сокращений стратегических вооружений. Но переговоры не означают достижения договоренности. Москва, скорее всего, будет требовать установления ограничений на неядерные стратегические системы и обычные вооружения в Европе. Может встать вопрос об ограничении американской военно-морской деятельности в окружающих Европу морях. США будут вынуждены либо пойти на принципиальные уступки России, согласившись обсуждать эти вопросы, либо взять на себя ответственность за срыв переговоров.

Но главное в другом. Возможно, после изнурительных переговоров Москва все же согласится ввести новые потолки на стратегические вооружения, не затрагивая другие военно-стратегические проблемы. В итоге, Россия сэкономит значительные средства, которые могут быть направлены на укрепление других элементов военного потенциала. Неясно, однако, какой выигрыш получают при этом Соединенные Штаты. Во-первых, как уже говорилось, уверенности в том, что Россия сможет к концу десятилетия выйти на уровень в 1550 развернутых стратегических боеприпасов, нет. Во-вторых, сокращение стратегических вооружений в США будет производиться не столько путем сокращения баллистических ракет, сколько в результате снятия с них части боеголовок²². Это позволит в случае необходимости быстро нарастить стратегический потенциал.

В свете этого попытки Вашингтона во что бы то ни стало наладить отношения с Россией выглядят в глазах многих как политическая слабость. Это вызывает дополнительные сомнения в надежности американских союзнических обязательств, в том числе у лидеров азиатских государств. Последние особенно чувствительны к тому, что они считают потерей лица. А мнение азиатских элит становится для Вашингтона особенно важным в свете происходящей переориентации внешней политики.

О НОРМЕ И ПАТОЛОГИИ

В нынешнюю постмодернистскую эпоху философы и склонные к философствованию публицисты любят рассуждать о том, что граница между нормой и патологией не просто подвижна, но часто исчезает. То, что ранее казалось нормой, со временем становится патологией, и наоборот. Последнее верно. В первобытном обществе каннибализм, например, считался нормой, но уже много столетий не только не одобряется общественным мнением, но и является уголовно наказуемым. Принципы и нормы политики, в том числе политики международной, тоже меняются, хотя и медленно.

Важно и другое. То, что стало нормой для евроатлантической цивилизации, в Азии подчас считается если не патологией, то слабостью, которой не грех воспользоваться. Как писал когда-то певец британского империализма и просто очень умный человек Редьярд Киплинг, «к востоку от Суэца десять заповедей не существуют». В его знаменитом стихотворении *Мандалай*, откуда взята эта строчка, рефреном повторяются слова о заре, что «как гром приходит из-за моря, из Китая». И ведь верно — алеет Восток, господа...

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: У НАДКОЛОТОГО КОРЫТА МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Наконец-то стало понятно, что наступили новые времена. О том, что времена действительно новые становится понятно, если даже мельком взглянуть на *облако тэгов*, которое характеризует сегодняшние глобальные политические и экономические процессы.

Причем раньше многие думали, что новые времена наступят только в политике, причем будут реализовываться где-то далеко — в тех уголках мира, которые не очень-то затрагивают классического *европейского человека*. Да, поначалу именно так и было. Но теперь *ветер перемен* перекинулся уже на экономику, причем на те ее элементы, которые, казалось бы, были вечными и незыблемыми и считались атрибутами респектабельной личности, которая в качестве ответа на вопрос о своей профессии отвечала: «А я *типа* по бизнесу...»

И даже внезапный террористический акт в Бостоне, ставший совершенно уникальным явлением по числу нестыковок, натяжек и просто вранья в официальной версии, не изменил стратегического направления на приоритет экономики в международных отношениях, а как следствие, и в вопросах международной безопасности.

Так что, говоря о международной безопасности, мы будем все чаще и чаще говорить о мировой экономике, которая получает и силовое измерение. И это становится настолько неприятным контрастом по сравнению с 1990-ми гг. и даже с началом XXI века, когда только и говорили про *гуманитарные проблемы* и *общечеловеческие ценности*, что это невольно пробуждает ностальгию даже у самого циничного комментатора.

НАЗАД К МАРКСИЗМУ?

Думать, что глобальная перестройка системы международных отношений ограничится политическими катаклизмами в периферийных зонах мира, было большой ошибкой. Эта ошибка произрастала из забвения непреложной истины: политика есть концентрированное выражение экономики. Иными словами, если где-то начала меняться политика, то надо было быть очень наивным человеком, чтобы

О
Б
Щ
Е
С
О
У
С
Т
Р
А
Н
И
Ц
А